

УДК 281.93(47)(092)Иннокентий

Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (И. Е. Попов-Вениаминов) из Иркутска (биография в контексте эпохи)

А. С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается жизнь и деятельность Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского; изложена его общественно-политическая позиция; приведены суждения митрополита о состоянии духовных основ государства, его оценки деятельности Александра II; показаны трудности в осуществлении реформ в церкви; судьба митрополита Иннокентия соотнесена с судьбой историка А. А. Щапова.

Ключевые слова: Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, Аляска, миссионерство, Русская православная церковь, православная цивилизация, колонизация, освободительное движение, А. П. Щапов.

Митрополит Иннокентий: историография, переписка

Иван Евсеевич Попов-Вениаминов (1797–1879 гг.) был выдающимся деятелем русской истории XIX века: православным миссионером, ученым, путешественником.

До революции о нем писали преимущественно исследователи близкие к церкви, в рамках церковного (клерикально-охранительного) направления. (Коптев В. «Памяти высокопреосвященнейшего Иннокентия Митрополита Московского» (М., 1879); Барсуков И. «Иннокентий Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников» (М., 1883); в книге «Очерк жизни и апостольских трудов Иннокентия Митрополита Московского» (М., 1886); Тур Е. «Очерк жизни и деяний Иннокентия Митрополита Московского» (М., 1891); Корсунский И. Н. «Иннокентий Митрополит Московский и Коломенский» (Харьков, 1898); Барсукова З. Просветитель сибирских стран, Иннокентий Митрополит Московский и Коломенский (СПб., 1901) Харлампий, иеромонах ««Очерк жизни и апостольских трудов Иннокентия Митрополита Московского» (М., 1912) и др.)

В марксистской литературе советской эпохи, в частности в энциклопедических изданиях, в соответствии с господствующей идеологией И. Е. Попову-Вениаминову как деятелю церкви – миссионеру, митрополиту Московскому и Коломенскому посвящали, как правило, лишь несколько критических строк. Его научным исследованиям уделялось несколько больше внимания («Большая советская энциклопедия» (М., 1951, т. 7); «Советский энциклопедический словарь» (М., 1984) и др.)

В постсоветский период в ряде исследований наметилась тенденция возврата к церковному направлению (специальный выпуск журнала «Тальцы», посвященный памяти свт. Иннокентия (Вениаминова), Митрополита Московского и Коломенского, апостола Америки и Сибири» [1]; Ефимов А. Б. «Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви» (М., 2007) и др.).

О российско-американских отношениях, Попове-Вениаминове И. Е. писали и профессиональные историки в рамках «академического» направления: Болховитинов Н. Н. «Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867» (М., 1990); Дулов А. В. «Русское православие: очерки истории (Улан-Удэ, 2000); Маджаров А. С. «И. Е. Попов-Вениаминов (свт. Иннокентий) и историк А. П. Шапов из Анги. Проблема “фигуры умолчания” в отечественной историографии XIX–XXI вв.» (Русская Америка, Иркутск, 2007) и др.

Апостольская деятельность митрополита Иннокентия в России протекала в период обострения противоречий, развития общественного движения, секуляризации.

Актуальное историческое исследование, посвященное миссионеру, предполагает соотнесение его жизненного пути с этой «объективной» динамикой русской истории XIX в. Важно понять и ее «субъективную» составляющую. В какой степени митрополит Иннокентий отдавал себе отчет о характере времени, в котором живет?

«Исторический фон» позволяет выявить трагическое начало биографии Иннокентия, его жизни, судьбы.

Собственные политические воззрения, оценки событий, явлений миссионер, за редким исключением, не раскрывал. Он оставил переписку, преимущественно деловую, которую вел в 1828–1878 гг. Письма рождались, как правило, в момент остановок в пути, а подчас и в дороге, в путешествиях по епархии, по России и были отправлены из Санкт-Петербурга, Москвы, Иркутска, Якутска, Читы, Благовещенска, Ново-Архангельска и других мест. Он писал о метеорологии, издании своих трудов, о текущих практических епархиальных вопросах, о бытовых житейских делах, в частности, мореплавателю, географу Ф. П. Литке, митрополиту Филарету, чиновникам Синода, деятелям церкви, генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому, императорам Николаю I и Александру II, а также своим детям – Гавриилу, Екатерине, Прасковье.

В обширном эпистолярном наследии, составившем три солидных тома (624 опубликованных письма; известны и письма, не вошедшие в издание) и охватившем половину столетия, в наличии лишь несколько его острых политических высказываний, оценок. Но именно эти редкие выходы в переписке за пределы, говоря современным языком, политкорректности раскрывают «другого» Иннокентия, показывают его подлинное ощущение тревоги за судьбы Русской православной церкви, России.

Обратим внимание на них.

**Два полюса истории: проповедь И. Е. Попова-Вениаминова
и освободительное движение**

История России как история колонизации

Россия внешне складывалась и развивалась в процессе освоения новых территорий, колонизации, а внутренне, от крещения князя Владимира и до А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др., – в движении вглубь русской души. Были в отечественной истории бунты и революции как проявление апокалиптического начала, нигилизма, присущих, по справедливому словам Н. А. Бердяева, русскому человеку [3, с. 9]. Отечественная историография и философия истории (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, А. П. Щапов, В. О. Ключевский, Н. А. Бердяев и др.) пытались осмыслить этот путь. За освоенной землей, выстроенным домом, высказанной мыслью, написанной книгой, а равно и за бунтом, стояли люди.

Становление и развитие личности И. Е. Попова-Вениаминова пришлось на годы расцвета русской культуры и одновременно неуклонного движения России к революции, которая вскоре после ухода из жизни «апостола Аляски» «до основания» разрушила «старый мир»: социальную структуру общества, церковь, религиозное мировоззрение.

Иван Попов-Вениаминов был современником А. С. Пушкина (1799–1837), М. Ю. Лермонтова (1814–1841), Н. В. Гоголя (1809–1852), Ф. М. Достоевского (1825–1881), Л. Н. Толстого (1828–1910), мог знакомиться с новинками литературы своего времени: «Борисом Годуновым» (1825), «Евгением Онегиным» (1823–1831), а также «Ревизором» (1836), «Мертвыми душами» (т. 1, 1842), наконец, «Войной и миром» (1863–1869), «Преступлением и наказанием» (1866), «Бесами» (1871).

Проповедь и революция

Миссионер И. Е. Попов-Вениаминов вышел из «народа». В середине своего жизненного пути он стремительно вознесся в «элику» общества и сам стал частью власти. Жизнь «низов», которая порождала протест, и другую, светскую, что разъедала власть «верхов», Иван Попов хорошо знал. Сам он в быту всегда оставался демократом.

И внутренне, по своим убеждениям, и внешне, территориально, он был далек от идеологии и практики освободительного движения.

Повседневная жизнь священнослужителя тесно сопрягалась со священной историей, ритуалом, обрядом, молитвой. Об этом свидетельствует подробная биография Попова-Вениаминова, созданная Иваном Платоновичем Барсуковым (1841–1906 гг.).

До его сведения, как правило, с запозданием, доходили лишь отголоски такого рода событий, идей.

В то время, когда будущий митрополит начинал свою службу дьяконом Иркутской Благовещенской церкви (1817 г.), возникло тайное декабристское общество «Союз спасения» (1816–1817 гг.). Его вступление на должность священника (1821 г.) совпало по времени с деятельностью «Союза благоденствия» (1818–1821 гг.).

Попов-Вениаминов крестил алеутов на Уналашке, не подозревая о том, что в Санкт-Петербурге декабристы вышли на Сенатскую площадь (14 декабря 1825 г.).

В 60-е гг. XIX в., когда архиепископ путешествовал по Камчатке, Амуре, в Санкт-Петербурге о «бедах и напастях» «народа» писали известные общественные деятели и публицисты А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, историк А. П. Щапов.

4 апреля 1866 г. (в это время архиепископ Иннокентий был в Благовещенске, «на кафедре Камчатской епархии»), член кружка Н. А. Ишутина Д. В. Каракозов в Петербурге стрелял в Александра II. (Об этом покушении архиепископ знал). С Александром Николаевичем, впоследствии императором Александром II (1818–1881 гг.) Попов-Вениаминов познакомился в промежуток времени между 1 декабря 1840 г. (день встречи с Николаем I) и 10 января 1841 г. (днем отъезда епископа Иннокентия из Санкт-Петербурга в Америку).

5 января 1868 г. император Александр II назначил Иннокентия митрополитом Московским и Коломенским.

В 1869 г. вольнослушатель Петербургского университета С. Г. Нечаев создал организацию «Народная расправа», составил «Катехизис революционера», в котором предлагал отказаться от нравственных законов, использовать против сильных мира сего шантаж, провокации, убийства. Организовал убийство студента И. И. Иванова, который протестовал против этих методов.

В 1876 г., на исходе деятельности митрополита Московского и Коломенского И. Е. Попова-Вениаминова, в Санкт-Петербурге возникло революционное общество «Земля и Воля», а 2 апреля 1879 г., через два дня после смерти Иннокентия (31 марта 1879 г.), земледелец А. К. Соловьев стрелял в Александра II; в 1880–1881 гг. деятели «Народной воли» совершили еще несколько покушений на царя.

1 марта 1881 г., через два года после смерти Иннокентия, народовольцы под руководством Софьи Перовской убили Александра II.

Наконец, начало XX в. ознаменовалось революцией 1905–1907 гг., а затем Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., которые привели к полному краху прежней системы власти, нанесли сокрушительный удар по церкви.

Биография митрополита Московского и Коломенского Иннокентия

И. Е. Попов-Вениаминов в Иркутске

Иван Евсеевич Попов-Вениаминов родился 26 августа 1797 г. в селе Анга Верхотенского уезда Иркутской губернии, в семье пономаря Ангинской Ильинской церкви Евсевия Ивановича и Феклы Савишны Поповых. (3 октября 1831 г. в Анге у пономаря этой же церкви Прокопия Андреевича Щапова родился сын Афанасий, в будущем известный историк России.)

В 1808–1818 гг. Иван учился в Иркутской духовной семинарии. (В 1814 г. ректор переименовал Попова в Вениаминова.) [1, с. 6] (В бурсе и семинарии (1839–1852 гг.), а затем в Казанской духовной академии [1852–1856] учился и Афанасий Щапов.)

Еще до окончания семинарии Попов-Вениаминов стал дьяконом и женился на дочери священника Екатерине Ивановне Шариной (1817 г.), а в 1821 г. стал священником Иркутской Благовещенской церкви (Градо-Иркутская Благовещенская церковь на ул. Большой (К. Маркса)) и служил в ней до мая 1823 г. (здание церкви было разрушено в 30-е годы XX в.) [1, с. 8, 9].

В 1823 г. в Иркутске был получен указ из Святейшего синода, предписывающий послать из епархии в колонию Российско-американской компании на остров Уналашка священника. В Америку с семьей отправился Иван Попов-Вениаминов [6, с. 13].

И. Е. Попов-Вениаминов на острове Уналашка

Иркутяне были в пути, передвигаясь по земле и воде, с 7 мая 1823 г. по 29 июля 1824 г. [2, с. 9–10].

На Уналашке Иван Попов-Вениаминов продолжил дело, начатое его предшественниками – путешественниками, служителями церкви, деятелями Российско-американской компании И. Ф. Крузенштерном и Ю. Ф. Лисянским, А. А. Барановым, Ф. П. Врангелем и др., – продвижение христианского православного фронта. Здесь он провел 10 лет – с 29 июля 1824 г. по 22 ноября 1834 г. На острове в момент прибытия на место священника из Иркутска было 10 поселений, в которых проживало 470 человек – «алеутов, креолов и русских». Ютиться Попову-Вениаминову с семьей пришлось в землянке. Он обучил алеутов плотницкому, слесарному, столярному, кузнечному ремеслу, изготовлению кирпича и с этой «бригадой строителей» возвел храм Вознесения Господня, освященный 29 июня 1826 г., в котором стал собирать местных жителей на молитву. Затем построил на берегу речки Уналашки свой дом.

Попов-Вениаминов был механиком, мастером по изготовлению органов и часовщиком.

На Уналашке проявился его талант лингвиста, переводчика евангельских текстов на язык местных жителей.

Для того чтобы донести «слово Божие» алеутам, иркутянин изучил «алеутско-лисьевский» язык – наречие алеутского языка и как первооткрыватель перевел на него Евангелие от Матфея (1828), основные молитвы, составил грамматику и букварь языка.

Одновременно он написал на алеутском языке поучение «Указание пути в Царствие небесное» (1833), которое впоследствии было переведено на многие языки, в том числе на русский язык, и выдержало десятки изданий.

Попов-Вениаминов постоянно находился в разъездах, путешествовал по островам, перебираясь по морю с одного острова на другой на байдарке из «кожи морских зверей» или на челноке из выдолбленной колоды. И в ходе этих экспедиций изучал климат, обычаи, нравы, предания алеутов, их общественный строй, наблюдал за жизнью морских котиков, и заносил наблюдения в «памятную книжку». Позже наблюдения переросли в научные «Записки об островах Уналашкинского отдела».

Деятельность Попова-Вениаминова на Уналашке была отмечена в правлении Российско-американской компании. Его перевели священником в

соборную церковь св. Архистратига Михаила в хозяйственный и административный центр русских поселений в Америке Ново-Архангельск, на остров Ситку.

И. Е. Попов-Вениаминов на Ситке

На Ситке иркутский священник пробыл с 22 ноября 1834 г. по 8 ноября 1838 г.

Он продолжил дело «обращения в христианскую веру» местного населения – колошей. Как и на Уналашке, для прямого общения с паствой Попов-Вениаминов изучил колошский и кадьякский языки, а затем написал книгу «Замечания о Колошском и Кадьякском языках и отчасти, о прочих наречиях в Российско-Американских владениях с присовокуплением Российского словаря» [6, с. 43].

На новом месте службы он завершил сочинение «об островах Уналашкинского отдела», материалы для которого начал собирать еще на Уналашке. В 1840 г. трехтомник «Записки об островах Уналашкинского отдела» увидел свет [4]. В это же время было опубликовано и Евангелие от Матфея, переведенное на алеутский язык. Позже Евангелие от Матфея под его руководством было переведено и на якутский и тунгусский языки.

19 июля 1859 г. в Якутском Троицком соборе было впервые совершено богослужение на якутском языке.

За 14 лет, проведенных на Аляске, Попов-Вениаминов хорошо изучил положение дел церкви в регионе. К концу срока своего пребывания на Ситке в 1838 г. он составил проект «об улучшении миссионерского дела в крае» – «Обозрение православной церкви в Российских поселениях в Америке, и об улучшении состояний оной». Помочь решению накопившихся проблем миссионерского движения на Аляске могли только церковные власти в Санкт-Петербурге.

И. Е. Попов-Вениаминов в столице России

Священник церкви Михаила Архангела на Ситке Иван Попов-Вениаминов, проводив жену и детей в Иркутск (с собой в путешествие он взял семилетнюю дочь Феклу), 8 ноября 1838 г. отправился через Тихий и Атлантический океаны на корабле «Николай» в Санкт-Петербург. 25 июня 1839 г., спустя 7 месяцев дальнего плавания, он прибыл в столицу России [7, с. 35].

В Санкт-Петербурге он обратился к «Всемиловитейшему государю» с письмом (от 1 июля 1839 г.), в котором просил принять дочь «для воспитания в казенное заведение». Разрешение было получено [7, с. 36].

В Синоде священник изложил проект улучшения миссионерского дела в Америке. 25 декабря 1839 г. его произвели в сан протоиерея.

В Москве миссионера представили митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету. Священник из Ново-Архангельска познакомился с горожанами, которые для поддержки его миссионерских усилий жертвовали деньги, церковную утварь. Он сблизился с Шереметевыми, Свербеевыми, Чаадаевыми [6, с. 52]. Возможно, среди новых знакомых сибиряка в Москве был и П. Я. Чаадаев (1794–1856 гг.), автор известных «Философических писем»?

Позже в письмах протоиерею Д. В. Хитрову от 13 сентября, 26 октября, 7 ноября 1857 г. он передавал Чаадаевым поклоны [8, с. 69, 73, 75].

29 ноября 1840 г., после смерти жены (25 ноября, по другим данным – 24 ноября 1839 г.), он был пострижен в монашество под именем Иннокентий (в честь Иннокентия Кульчицкого), 30 ноября посвящен в архимандриты, а 13 декабря 1840 г., по решению Николая I, стал епископом Камчатским, Курильским и Алеутским (с 1850 г. – архиепископом).

Архиепископ Иннокентий о состоянии духовных основ государства. Взятка как норма жизни

Политические взгляды, ценности, которыми руководствовался И. Е. Попов-Вениаминов, внешне укладывались в рамки известной теории официальной народности. В письме от 20 августа 1851 г. Николаю Емельяновичу Ложечникову он писал: «Теперь только слепой... может не видеть, что самый лучший образ или форма правления есть самодержавие. Но в то же время нельзя не убедиться, что самодержавие может быть только там, где Православие» [7, с. 325].

Его «патриотизм» не был прямолинейным, казенным. Иннокентий видел и понимал глубину и остроту проблем, которые стояли перед государством и церковью и в рамках своей компетенции пытался их решать. Но порой был готов даже к публичному протесту против «власти».

За время, проведенное в столице в 1839–1841 гг., Иннокентий столкнулся с новой, непривычной ему общественной атмосферой, многое понял. В Духовной консистории, куда священник явился, чтобы зарегистрироваться, столоначальник дал понять, что для быстрого прохождения «дела» надо дать взятку 25 рублей. При встрече с обер-прокурором Синода графом Н. А. Протасовым Попов-Вениаминов передал ему эту историю. «Граф рассмеялся и сказал: “Где же им взять? Ведь они, по бедности содержания, нищие”» [6, с. 50–51].

Возвращаясь к теме в последующем, в письме из Аяна от 6 июля 1851 г. А. Н. Муравьеву архиепископ Иннокентий писал, что чиновники канцелярии Синода намекают его сыну, Гавриилу, отправленному по делам в Синод, на необходимость «подарка». «Они мало обращают внимания на дела наших церквей и миссий, – негодовал он. – Это им не принесет чести. Но если ничего не будет еще и два будущие года, то я заговорю громко, не смотря на то, хотя бы это для меня кончилось Соловками... Если потребуют обстоятельства, - я не побоюсь их силы... Только одного они от меня не дождутся никогда... подарков или взяток» (курсив наш. – А. М.) [7, с. 289].

В Санкт-Петербурге Попов-Вениаминов, а позже и его сын попали в общество Селифанов, Петрушек, Маниловых, Собакевичей, Ляпкиных-Тяпкиных и других, описанное Н. В. Гоголем («Мертвые души», т. 1, 1842), где взятка была обыденным явлением.

Общество и вера

Однако взятка являлась только одним из индикаторов проблем государственного аппарата, государства. Архиепископ Иннокентий после своего визита в столицу, встреч, бесед, размышлений понял, что в стране и особенно в столице России рушится фундамент самодержавного строя – слабеют религиозные основы режима.

В письме Николаю Емельяновичу Ложечникову от 20 августа 1851 г. наряду с изложением своего политического кредо епископ Иннокентий поставил диагноз духовному состоянию общества: «Равнодушие к вере ныне есть общая болезнь, а в Петербурге она в самой сильной степени и уже едва ли не после перелому» [7, с. 326].

Позже, 2 октября 1856 г., в письме из Аяна исполняющему должность обер-прокурора Синода А. И. Карасевскому, рассуждая, в частности, о взаимоотношениях светских и духовных властей, о том, что первые «не понимают власти архиерея», добавил: *«Этого порядка, этих понятий при нынешнем горько печальном образе мысли о религии не изменить никакими постановлениями»* (курсив наш. – А. М.) [8, с. 27].

Епископ Камчатский, Курильский и Алеутский

В 1841 г. (с 10 января по 27 сентября) Иннокентий прошел путь из Санкт-Петербурга до Ново-Архангельска на Ситке.

В 1841–1857 гг. епископ (архиепископ с 1850 г.) совершил несколько многомесячных путешествий по своему региону, с целью «обращения в христианскую веру» местного населения, проповеди «слова Божьего», в том числе по Якутии, после ее присоединения к Камчатской епархии (1852 г.); (ездил на собачьей упряжке – «повозочке»; Иннокентий называл ее «гробом в снеговой могиле»); в июле 1855 г. (в годы Крымской войны 1853–1856 гг.) находился в Аяне; в 1856 г. путешествовал по Амуру.

Со 2 сентября 1857 г. по 21 января 1858 г. архиепископ Иннокентий вновь был в Санкт-Петербурге, участвовал в работе Синода.

26 апреля 1858 г. он прибыл в Сретенск. После заключения Айгунского договора (1858 г.) в Благовещенске в присутствии Н. Н. Муравьева-Амурского отслужил молебен «о великом событии». Путешествовал по Амуру, (1860, 1863, 1864, 1867 гг.), в том числе совместно с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским, проповедуя «слово Божье».

В августе 1867 г. Аляска была продана США.

Иннокентий и Филарет

В сентябре 1857 г., когда Иннокентий вторично посетил Санкт-Петербург, ему уже исполнилось 60 лет. За плечами архиепископа стоял огромный опыт миссионерского дела, научных исследований. Он думал о переменах, реформе в церкви и с этими намерениями прибыл в столицу. Иннокентий надеялся распространить опыт, полученный на российских и американских «северах», в России.

Сохранились сведения о его реформаторских замыслах.

В письме от 19 ноября 1857 г. из Санкт-Петербурга влиятельному митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету Иннокентий сообщал, что передает ему вместе с письмом свою «записку о викариатствах». «Это отнюдь не проект, – лояльно формулировал он название своих письменных предложений, – а простые мысли, набросанные на бумагу» [8, с. 76].

Иннокентий, опираясь на опыт миссионерской деятельности, личного посещения всех приходов епархии, успешной личной проповеди, предлагал,

в частности, ввести в церкви на каждые 150–200 церквей викария (лат. – заместитель; в православии – заместитель епископа. – *А. М.*), добавить к существующим 150 викариев. Одной из главных задач их деятельности он считал посещение всех подведомственных церквей и совершение ими «священнослужения». Писал он и о необходимости реформы духовных училищ, укрепления в них именно *духовного* начала, поднимал другие вопросы.

«Мысли» Иннокентия Филарет не одобрил.

Он согласился с заключением миссионера, что епископов в церкви мало, но не принял утверждения, что «понятие о надзоре за паствою потеряно», посчитал его обидным для «Российской иерархии».

Касаясь предполагаемой реформы духовных училищ, Филарет не без сарказма заметил: «Духовные училища не иркутскою ли мерою меряете вы все? Можно смело сказать, что эта мера неверна».

Филаретом была отвергнута и главная идея Иннокентия – о дополнительном «призыве» на службу 150 викариев и необходимости викариям лично посещать все церкви епархии. Он считал, что такого количества соответствующих статусу деятелей не найти, не обеспечить их свитой, содержанием, и не одобрил предполагаемой походной жизни викариев. «Вы требуете, – писал Филарет Иннокентию 25 ноября 1857 г., – чтобы он треть года или более был в походе, на квартирах со свитою... Очень ли это удобно?»

Наконец, Филарет перечеркнул личный опыт Иннокентия, посчитав его неприемлемым в России. «*Образ путешествий преосвященного Камчатского по епархии*, – констатировал он, – *неудобноприменим в России*» (курсив наш. – *А. М.*) [8, с. 79, 80].

В заключение своего письма Филарет вообще поставил под сомнение возможность каких-либо серьезных перемен в церкви. «Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять, – писал он. – *Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления* (курсив наш. – *А. М.*). Посему необходимо восставать не вдруг противу всех недостатков, но в особенности против более вредных и предлагать средства исправления, не вдруг всепотребные, но сперва преимущественно – потребные и возможные» [8, с. 79, 81].

Согласился ли с «рекомендациями» Филарета Иннокентий? Во всяком случае, своей деятельности путешественника-миссионера он не прекратил.

В письме Н. Д. Свербееву от 11 декабря 1858 г. архиепископ, словно продолжая полемику с Филаретом, в частности, писал: «Вы просите моего совета: куда направить Вам молодые Ваши силы? Приезжайте в Сибирь на службу... Вы здесь будете полезнее и на виду, а в *России много народу... и все идут почти по одной дороге. Там нельзя не только идти против их, но даже нет возможности и остановиться, иначе соьют с ног и затопчут. А здесь у нас, просторнее, по крайней мере. Можно не только останавливаться, но даже и против идти*; а дела не мало, а сколько еще непочатого!» (курсив наш. – *А. М.*) [8, с. 149].

Архиепископ Иннокентий о реформах в государстве *Иннокентий и Александр II*

18 (30) марта 1856 г. был подписан Парижский мирный договор, который подвел итоги Крымской войны 1853–1856 гг. По договору Россия не могла иметь в Черном море военный флот и базы, теряла южную часть Бессарабии, отказывалась от притязаний на «покровительство» православным подданным Турецкой империи и др.

Иннокентий в годы войны лично соприкасался с неприятелем. 9 июля 1855 г. он прибыл в Аян. А 21 июля в порт зашел английский фрегат. Незваные гости отправились в церковь. В это время Иннокентий читал молитву «о победе над врагом». После молитвы он беседовал с англичанами через переводчика, пригласил их к себе в дом. «Пленного» отпустили.

Архиепископ следил за перипетиями Крымской войны, ее итогами, состоянием и перспективами развития государства. В тот период он надеялся на реформы в России. После подписания мирного договора 4 апреля 1856 г. Иннокентий писал протоиерею Дмитрию Хитрову: «Вы уже знаете, что, наконец, на земле мир... Но каков состряпан мир... видно из манифеста от 19 марта, что он для нас русских кисел и солон... В Москов[ских] ведомостях от 6 марта Вы верно видели, что некоторые генералы и офицеры отданы под суд за беспорядки. Страшная и срамная для нас русских эта вещь. *Но эта одна из 100000. Говорят, Государь хочет сделать сильные реформы. Помогите ему, Господи, направить Россию на путь истины, правды, бескорыстия*» (курсив наш. – А. М.) [8, с. 8].

Спустя годы (реформ), Иннокентий в письме от 4 сентября 1863 г. из Благовещенска вновь обратился к «протоиерею Дмитрию» (Хитрову).

Теперь он, по крайней мере в этом письме, скептически оценивал преобразовательную деятельность царя Александра II и выражал сомнение в возможности проведения, во всяком случае, некоторых реформ.

Иннокентий, между прочим, коснулся темы «улучшения быта духовенства» и связывал ее с событиями в Польше (в январе 1863 г. в Польше началось восстание).

Обращаясь к «проекту улучшения быта духовенства», он рекомендовал, надо полагать, в шутку (шутка была направлена в адрес Александра II), протоиерею следующее: «Всего бы лучше, если бы некоторые, хотя, если не все духовные подали бы Государю адрес такого содержания: *Государь ты наш, батюшка. Видим, понимаем и чувствуем твою заботу об улучшении нашем, и благодарим за то; но тебе теперь не до нас. У тебя много горя и заботы о целом государстве. У тебя предстоят многие нужды по случаю польских дел. Отложи ты, пожалуйста, наше дело до другого времени. Ведь мы жили же донныне, проживем и вперед, не требуя от тебя особенных милостей; мало этого, – в случае государственной нужды, возьми у меня или у нас, последнюю коровенку. – Господь тебе поможет умирить наше отечество, – тогда ты нас не забудешь.*

В самом деле, время ли теперь заниматься вопросом об улучшении быта духовенства, когда *перед глазами война – и война упорная. И кто знает, какой будет исход войны*» (курсив наш. – А. М.) [8, с. 398].

Спустя два года в письме от 29 июля 1865 г. из Иркутска протоиерею Дмитрию архиепископ Иннокентий коснулся другой острой темы – «сибирского сепаратизма» и фактически признал наличие у этого движения серьезных объективных оснований!

«Новостей здесь добрых нет никаких, – писал он, – а худых не оберешься, например, теперь производится следствие в Омске о преднамереваемом восстании или отделении Сибири от России. Главный коновод некто Потанин, в Омске, а здесь в Иркутске – Щукин... недавно увезли туда и Щапова нашего... ед-ва ли не увезут и Стукова протоиерея. Загоскина обыскивали.

Предполагалось, по отделении Сибири от России, устроить штаты на манер Американских – смех и горе! *Тому и другому есть основания – пока равносильные, а что будет впереди?*» (курсив наш. – А. М.) [8, с. 490].

В письме протоиерею Дмитрию от 6 ноября 1865 г. из Благовещенска Иннокентий продолжил эту тему: «О затеях Потанина и Щукина с товарищами я ничего не слыхал уже давно... а любопытно бы знать, чем это кончится, и особенно – что будет с Щаповым несчастным» [9, с. 15].

Иннокентий не знал о том, что к делу «сепаратистов» А. П. Щапов был непричастен и вскоре выпущен на свободу [5, с. 329–332].

Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский

5 января 1868 г., после смерти Филарета (1867 г.), Иннокентий был назначен митрополитом Московским и Коломенским. 26 мая 1868 г. в Москве в Успенском соборе Кремля он вступил в сан митрополита.

31 августа 1868 г. его избрали почетным членом Императорского московского университета, а 8 января 1869 г. в годичном собрании Императорского русского географического общества он стал его почетным членом.

В последние годы жизни Иннокентий продолжил свое служение: совершил поездку по Московской епархии, учредил Православное миссионерское общество (1870 г.), открыл училище иконописи (1873 г.), в 1876 г. отслужил молебен при закладке алтаря в храме Христа Спасителя.

Однако своей идеи о «викариях» он так и не осуществил.

Уже в момент вступления на должность митрополита Иннокентию было за 70 лет. Он ничего не видел левым глазом, а вскоре после операции на правом глазу вообще ослеп.

Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский ушел из жизни 31 марта 1879 г.

6 октября 1977 г. решением Синода Русской православной церкви он был причислен к лику святых¹.

¹ В 1859 г. земляк Иннокентия историк А. П. Щапов выпустил свою известную книгу «Русский раскол старообрядства»; 11 ноября 1860 г. он прочитал имевшую большой общественный резонанс вступительную «федералистскую» лекцию по русской истории в Казанском университете; 16 апреля 1861 г. произнес вошедшую в историю речь на панихиде по расстрелянным в селе Бездна крестьянам; 18 марта 1864 г. А. П. Щапов был отправлен из Санкт-Петербурга в Иркутск, где 25 февраля 1876 г. скончался в одиночестве и нищете.

Заключение

Митрополит Иннокентий в своей жизни и деятельности воплотил тенденции, присущие русской истории: молитвы, научного познания, материального обустройства мира. Он был христианским православным миссионером, ученым – этнографом и лингвистом, труды которого получили высокую оценку в России и за рубежом.

Как путешественник, Иннокентий прошел десятки тысяч километров дорог (бездорожья) по Аляске, Камчатке, Якутии, а также по рекам, морям и океанам всего мира.

Его судьба была счастливой и трагической. Он был талантливым, харизматичным, пассионарным и внутренне свободным человеком: имел семью и детей, крестил алеутов и встречался с царями, писал книги, путешествовал. Линия его жизни была восходящей, она шла в разрез с тенденцией сползания России в революцию.

Успех миссии Иннокентия был связан и с тем, что он продолжил «дело отцов» – освоения, колонизации страны в «молодых», далеких от центра окраинах России. И эти земли и люди были ему близки по духу. Он не являлся человеком XIX в., как и его «подопечные», принадлежал другому, более раннему времени. Это был носитель духа сибирских окраин. Он, как и федералист А. П. Шапов, понимал характер антагонизма между «центром» и «провинцией» (в этом они были похожи). Просветитель положил свою жизнь на то, чтобы духовно подтянуть окраины России, органично, последовательно включить их в контекст православной цивилизации. (А. П. Шапов хлопотал о том же, только в рамках светской традиции: об университете в Иркутске, о светском, в том числе естественно-научном, образовании в городе и на селе; его идеи были реализованы в советское время.)

Главное, неразрешимое в масштабах одной человеческой жизни противоречие между центром и провинцией, несмотря на успешность деятельности Иннокентия (и А. П. Шапова), осталось нерешенным.

Апостольская проповедь миссионера была адресована не к сиюминутным, в том числе политическим, а к «вечным» основаниям. Аура Иннокентия усиливалась тем обстоятельством, что «слово Божие» нес неутомимый труженик, деятель, который сам жил по закону, который проповедовал, честно и бескорыстно служил отечеству. (Честно и бескорыстно служил отечеству и А. П. Шапов.)

В этом одна из причин «возвращения» Иннокентия в современной России.

Список литературы

1. Барсуков И. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников / И. Барсуков. – М.: Синод. тип., 1883. – 769 с.
2. Барсукова З. Просветитель сибирских стран Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский / З. Барсукова. – СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1901. – 91 с.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224

4. Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым : в 3 ч. – СПб. : Изданием Рос.-амер. компании, 1840. – Ч. 3.

5. *Маджаров А. С.* Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни и жизнь «Истории» / А. С. Маджаров. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2005. – 528 с.

6. Очерк жизни и апостольских трудов Иннокентия Митрополита Московского. – М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1886. – 108 с.

7. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского : в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб. : Синод. тип., 1897. – Кн. 1 : Письма Иннокентия, митрополита Моск. и Коломен. 1828–1855. – 485 с.

8. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского : в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб. : Синод. тип., 1898. – Кн. 2 : Письма Иннокентия, митрополита Моск. и Коломен. 1855–1865. – 496 с.

9. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского : в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб. : Синод. тип., 1901. – Кн. 3 : Письма Иннокентия, митрополита Моск. и Коломен. 1865–1878. – 398 с.

Saint Innocent (I. E. Popov-Veniaminov) Metropolitan of Moscow and Kolomna from Irkutsk (Biography within the Context of the Epoch)

A. S. Madzharov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article deals with the life and activities of Saint Innocent Metropolitan of Moscow and Kolomna. The author considers Metropolitan's social and political viewpoint, his quotations on spiritual principles of the state, as well as his assessment of the activities of Alexander II. The article reveals problems in the reformation of the Church. It attempts to compare the life of Saint Innocent Metropolitan with the life of a historian A. P. Shchapov.

Keywords: Saint Innocent Metropolitan of Moscow and Kolomna, Alaska, missionary activities, the Russian Orthodox Church, Orthodox Civilization, colonization, liberation movement, A. P. Shchapov.

Маджаров Александр Станиславович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, исторический
факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: massa49@yandex.ru

Madzharov Alexander Stanislavovich
Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia,
Historical Faculty
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: massa49@yandex.ru